

СОЛИДАРНОСТЬ И СВОБОДА ПО-ЯПОНСКИ, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ УРОКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

И. А. Филина

Япония всегда была «страной на кромке мира». Ее длительная историческая обособленность обусловила языковую и духовную однородность нации. Само географическое расположение Японии всегда обрекало ее на естественную изоляцию от всего остального мира. Когда-то знаменитый «шелковый путь» чуть-чуть не дотянул до Японских островов. Даже связи с Китаем, давшим Японии письменность, оказались неустойчивыми из-за отсутствия стабильности на континенте. Япония пыталась выйти из изоляции в период новой истории, но колониальная политика испанцев и португальцев вызывала у японцев такой ужас, что они вновь на триста лет отгородились от всего мира. Изоляция помогла избежать участи колониальных стран и сохранить этническую однородность и самобытность культуры.

Мир, открывшийся японцам после второй мировой войны, был уже другим, и новая конституция делала Японию уже частью этого мира. Однако вхождение в «мировое измерение» оказалось для японцев резким и болезненным: широкое насаждение «американского образа жизни» и выхолощено-прагматического понимания смысла человеческого существования неизбежно толкало японцев к духовному обнищанию.

Япония острее, чем какая-либо другая страна, почувствовала на себе обратную сторону технического прогресса: загрязнение окружающей природы, агрессию американской технотронной культуры, начавшейся с атомной атаки, но самое главное — своего рода техническое рабство людей, становящихся придатками своих машин, когда люди на

фоне их бесконечного совершенствования мельчают в чувствах и превращаются в бездушные прагматические существа. Именно поэтому, к примеру, послевоенная литература Японии наполнена безграничной тревогой и беспокойством о судьбе человека в стремительном мире машин и технических удобств, отдаляющих его от природы и традиций прежней размеренной жизни.

Тогда, в начале 50-х годов, многие честные люди обращали свой взгляд в прошлое, надеясь там отыскать ростки будущего Японии. Особенно выпукло это проступает в произведениях Ясунари Кавабата. Его герои охвачены ностальгией прошлого, стремятся воскресить ушедшее. И недаром древняя столица Японии — Киото неизменно находится в центре всех повествований Кавабата. Киото становится как бы символом протеста против перенасыщенных выхлопными газами и отравленных промышленными отходами японских городов той поры. Когда-то и английские романтики воспевали «старую, добрую Англию», ужаснувшись железному грохоту и клубам дыма «индустриального общества» и всему «строю цивилизации» с его «разумным эгоизмом»... Теперь пришла очередь японцев.

Впоследствии Япония сумела преодолеть множество социальных, политических, технологических и экологических проблем. Нынешнее японское общество, несмотря на высочайший уровень его технизации, остается вполне самобытным.

Украина, в отличие от Японии, пребывает в более проблемной ситуации. Душа Украины и ее вечный вольнолюбивый дух разведены ныне в пространстве современного бытия: душа жаждет элементарного благополучия и спокойствия, а дух прорывается бесконечным бунтарством, распрями и изменами. Мы производим впечатление нации, которая немилосердно сама себя губит. Причины украинского несчастья известны: вековые бездержавность и бедность, безысходность и безнадежность, разевшие национальное самосознание подобно ржавчине. Цари, комиссары и генсеки разнообразными способами разрушали и «козацкий дух», и народную христианскую мораль, и гражданское равновесие. Украинская культура и язык постоянно оказывались под водопадом чужеродных культур и ценностей. Национальное сознание нарушено уже на «генетическом» уровне.

Может ли японский опыт быть поучительным для нас и для других народов? Скорее всего, да, особенно в эпоху нивелирования национальных культурных и духовных ценностей. Попробуем для начала определить истоки особой духовной солидарности японцев.

Природа Японии и природа японцев

Японцы, как и другие народы мира, многим обязаны своей природе. Именно ее неповторимая красота и одновременно скудость ресурсов сделала японцев такими, какие они есть. Природа заставляла их сплачиваться и организовываться, развивала умение предельно эффективно использовать свои возможности и всматриваться в себя. Трудолюбие и тщательность в труде явились естественным результатом условий, в которых совершалось историческое восхождение японцев. Шесть седьмых земли Японского архипелага — это горы, скалы, обрывы и камни, и только одной седьмой вынуждены были довольствоваться японцы-земледельцы, чтобы выращивать рис и овощи и постоянно заботиться о повышении урожайности, дабы выжить. «Хороший человек — работающий человек» — испокон веков внушалось японцам.

Японская природа еще коварна и жестока. Землетрясения, тайфуны и цунами всегда были безжалостны к японцам, приводя в негодность их поля, обращая в болота оросительные системы, разрушая дома. Восстанавливать систему орошения, рухнувшие или сгоревшие дома, увеличивать урожайность полей одному не под силу. За дело брались всем миром — общиной. В сознании японцев не мог появиться образ скатерти-самобранки. Чтобы выжить, они должны были иступленно трудиться, причем непременно в составе группы, общины. Одиночку ожидала неизбежная гибель. «Доброе утро!» — говорим мы, желая друг другу добра и счастья, которые должно принести наступившее утро. С таким же автоматизмом японцы произносят: «Охае годзаимас», то есть — «Мы оба встали рано и собираемся заняться трудом». Согласно общинному сознанию, утро приносит счастье в виде возможности коллективно трудиться. . .

Постоянному воспроизводству общинного духа способствовал не один лишь коллективный характер работы, но и сложившийся обычай селиться скученно, крыша к крыше, и разгораживать дом не постоянными, плотными стенами, а раздвижными, легко снимаемыми бумажными «седзи». Во-первых, когда стихии рушат дом, «седзи» не так опасны. Во-вторых, «седзи» не лишали чувства близости с группой — семьей, соседями, общиной, деревней. Японец с детства и до конца своих дней не представлял себе жизнь вне их пределов. Звуковая пронцаемость «седзи» требовала постоянного слежения за своим поведением и оборотами речи, поэтому японский язык не содержит brutальных выражений. «Старайся казаться лучше, чем ты есть», — издавна наставляли матери детей.

Рожденное в общинных отношениях чувство именуется словом «ниндзе» и означает заботу, жалость, любовь между близкими людьми. Это распространяется не только на родственников, но и на соседские взаимосвязи. Соседи испытывают чувство называемое «гири», то есть потребность выполнить долг признательности друг перед другом. Совместный труд, коллективная трапеза вокруг большого чугунового котла «набэ» после трудового дня, тесное каждодневное соседство порождают уникальное ощущение общности, особую солидарность, которая составляет основную моральную и духовную ценность японской культуры. Осознание этой солидарности передается через все культурные формы, прежде всего через искусство, прозу, поэзию, открывающие возможность еще и эстетического сопереживания этого особого единства.

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету, —

говорится в знаменитом японском трехстишии (цит. по: [5, с. 47]).

Чувство прекрасного, столь развитое у японцев, их растворенность в природе уходят своими корнями в крестьянскую среду. Любовь к красоте пейзажа, к лунной дорожке, бесконечно убегающей вдаль по спокойной глади океана, к цветущей нежно-розовыми цветами сакуре, к музыке, сокрытой в шорохе листьев, — все это тонко и глубоко передается в японских народных песнях. Прикладное искусство также свидетельствует о любовном отношении к природе, о постоянном стремлении познать окружающую красоту мира, найти в ней символы и параллели с собственной жизнью и судьбой.

Природа сделала японцев наблюдательными и зоркими, приучила к вслушиванию в окружающий мир и в самих себя, научила их столь своеобразному самоуглублению, что оно доходит порой до полного отключения от всего внешнего и помогает на какое-то время дать отдых нервам, измотанным лихорадочными темпами современной жизни.

Если сравнивать истоки украинской духовной культуры с японской, то также можно указать на своеобразный лиризм в восприятии природы, на особое, проникновенное отношение к «матери-земле», на экзистенциальную самоуглубленность и иные ценности. Однако их общей основой у украинцев была, скорее, не трудовая солидарность (хотя и таковая занимала существенное место в нашей истории), а

«широкая славянская душа», мало похожая своей безграничной свободой на дисциплинированную и связанную долгом душу японца.

Свобода по-японски

Современный японец по-прежнему склонен к скрытности и уединению, причем к такому, которого славянская душа никогда не знала и не смогла бы вынести. Ее широта и «вольница» произрастают из пространственной необъятности нашей земли. Отсюда же, надо признать, вытекают и ее стихийность, бесформенность, устремленность в бесконечность, в лучшее «завтра». Бесшабашность и щедрость, распахнутость и бездумная расточительность, не раз подводившие славянскую душу, малопонятны японцам, равно как и нам — их интравертное самоуглубление. Тем более что именно там, по японским меркам, возможна свобода личности.

Как соизмеримы, с одной стороны, растворенность личности в коллективе и неразрывность с ним, а с другой — столь углубленный самоанализ и улиточный уход от внешнего мира? Япония — страна, где люди живут и действуют, «как все». Внушенная с раннего детства привычка соотносить свои действия с моральными оценками окружающих заставляет японцев вести себя так, как это угодно группе, и постоянно испытывать потребность в чьей-то заботе. Для японца нет более жестокой кары, чем оказаться выброшенным из общины, из группы в чужой мир, простирающийся за ее пределами, в страшный мир, куда вышвыриваются хлам и грязь. Только сознание, что своим поступком он нанес вред членам общины, группы, которые этого никак от него не ожидали, вызывает у японца самые жестокие угрызения совести. К высшей мере наказания — изгнанию из общины — приговаривали раньше и приговаривают теперь лишь за самое тяжкое в глазах общинников преступление: противопоставление себя общине, коллективу. По индивидуальности, возвысившейся над группой, бьют, как по шляпке гвоздя, вылезшего из доски. И далеко не у каждого японца появляется желание, а главное, хватает мужества сделаться торчащим гвоздем. Если же гвоздь упрямо лезет наружу, то группа старается отделиться от яркой индивидуальности, порвать с ней. Оригинал в Японии обречен на одиночество и изгнание. Например, выдающийся японский дирижер Сэйдзи Одзава, которого приравнивают к Мравинскому и Караяну, не смог играть с японскими симфоническими оркестрами, несмотря на их высокий исполнительский уровень. Одзава вынужден

был уехать за границу.

Общинное сознание «забывания гвоздей» требует подражания давно признанному основателю какого-либо направления в литературе или искусстве. (В философии, кстати, также идет процесс заимствования идей от конфуцианства и даосизма до марксизма и экзистенциализма.) Бесконечное повторение и воспроизведение лучших образцов творчества предшественника доводит технику мастера до совершенства. Но стоит кому-то выделиться из общей массы оригинальности идеи или глубиной своеобразия трактовки произведения, как в ход пускаются «молотки» группового сознания. Показательна в этой связи и судьба талантливейшего кинорежиссера Акиро Куросавы. Мировая кинокритика назвала его фильмы «Дерсу Узала» и «Двойник» вершинами кинематографического искусства, и этого стало вполне достаточно, чтобы отторгнуть Куросаву от японской кинематографической «общины».

Свобода в Японии, как отрыв от группы, тяжела и мучительна. Она не выглядит свободой, а скорее напоминает позор. Эта свобода не придает значимости тому, кто «ушел в отрыв». Японец, лишившись опоры в общине, начинает чувствовать себя никому не нужным хламом. Например, действие романа Кобо Абэ «Человек-ящик» разворачивается именно на фоне выброшенного, никому не нужного мусора, отработанного материала: пустых бутылок, смятых оберток, размокших коробок, ржавых железок. «Прелесть мусорной свалки», как выражается главный герой романа, надевший на себя ящик из гофрированного картона и тем самым отгородивший себя от остального мира. Ящик — символ самоуглубления и пристанища индивидуальной свободы, но равносильной добровольному уходу из жизни. Если смотреть из прорези ящика на все вещи, уже отторгнутые прежним миром, то они, незаметные под ногами прежде, теперь приобретают четкие очертания и, главное, обретают значимость, значимость индивидуального. «И окурок сигареты. . . и след собаки. . . и вмятины на боках железной бочки. . . и окаменевший от дождя мешок цемента. . . и плохо подогнанная крышка люка. . . больше всего я люблю именно такой пейзаж» [1, с. 464]. Создается впечатление, что значимость отдельной вещи или отдельного человека не видна в свете общинного духа, а становится заметной только в узком луче отдельного мнения, отсеченного от коллективного сознания.

При прочтении романа «Человек-ящик» складывается впечатление, что именно пристального внимания к отдельному, к особенному, к неповторимому — вот чего недостает для ощущения свободы. Японец

отказывается жить, когда, окруженный бедами, теряет взаимопонимание с коллегами, с членами семьи, когда не находится никого, кто смог бы его утешить и поддержать. Именно это отчуждение, а не сами по себе материальные невзгоды, неизлечимые болезни или несчастная любовь толкают японца наложить на себя руки. И если учесть, что японская традиция требует задумываться о смысле не жизни, а смерти, то японец покорно следует заповеди из «Бусидо» (свода самурайских философских концепций «Путь воина»): «Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти» [5, с. 84]. «Смерть бывает разная, — рассуждает человек-ящик. — У меня и в мыслях нет покончить жизнь самоубийством. Мне даже кажется, что ящик для меня не тупик, в который я в конце концов забрел, а широко распахнутая дверь в иной мир. Не знаю в какой, но в совсем иной мир» [1, с. 446]. Стремление укрыться в ящике обосновывается в романе как стремление к свободе. И в жизни уход в собственный «ящик» оказывается для японца единственным путем к свободе. Свобода выбора, как и свобода личности, в Японии во все времена, как видим, была большой проблемой с существенным трагизмом.

С точки зрения европейца, японская солидарность напоминает какой-то морально-духовный деспотизм, а свобода — и того хуже — унижение и осуждение индивидуального творчества. Свобода в европейской традиции — это «свобода-от»: от оков, от решеток, от влияния чужеземцев, от устаревших норм, от засилья логических принципов в познании и тому подобное. Особенно такие мировоззренческие коллизии характерны для нашего нынешнего общества. Но возникает закономерный вопрос: где, на какой ступени развития пребывают они, японцы, со своей солидарностью как моральным насилием и уродливой свободой и где мы, украинцы, со своей вековой вольницей и красивой свободой? Сравнение, увы, будет не в нашу пользу.

Порядок как условие социального прогресса

Солидарность и свобода, порядок и прогресс — вечные «сообщающиеся сосуды» и вечные философские проблемы. Когда-то основоположник социологии Огюст Конт мечтал о таком обществе, в котором порядок не приводил бы к застою, а прогресс — к хаосу и анархии. Его «социальная статика», как теория общественного порядка, определяла три вечных элемента, стабилизирующих общественную систему: семью, государство и церковь. А «социальная динамика», как теория обществен-

ного прогресса, опиралась на этапы развития человеческого разума и духа.

Каким же, действительно, должен быть порядок, общественная солидарность, чтобы обеспечивать культурное созидание народа? С одной стороны, порядок — это обязательно нечто стабильное, фундаментально-несущее, незыблемое, норма. С другой стороны, у каждого народа, в каждую эпоху — свои «порядки». Выходит, что порядок — все-таки величина подвижная, переменная, поскольку подвижны интересы и цели людей, подвижны их общности, социальные институты и так далее. Существует ли какой-то общечеловеческий «скреп», упорядочивающий отдельных людей в общество, а отдельные уклады жизни — в единый лад бытия? У Артура Шопенгауэра есть такие строки: «Летящие брызги бушующего водопада сменяют друг друга с быстротой молнии, между тем как радуга, основой которой они служат, стоит над ними в невозмутимом покое» [2, с. 9]. Поколения людей, как брызги, сменяют друг друга, меняются законы, правители, вкусы, границы. Что же остается в «невозмутимом покое»?

«Невозмутимый покой» создают общечеловеческие ценности, хотя различные «порядки» и культуры отдельных народов имеют свои варианты их смыслового наполнения. От этих конкретных смысло-жизненных, витальных, партикулярных, демократических ценностей производны соответствующие конкретные нормы, стандарты и правила поведения, регулирующие жизнь того или иного общества. Эти все нормы подразделяются, как правило, на правовые и моральные. Первые проявляются в виде законов и обеспечиваются путем применения позитивных и негативных санкций (поощрений и наказаний), осуществляемых соответствующими органами. Соблюдение же моральных норм обеспечивается силой общественного мнения. И правовые, и моральные нормы могут опираться еще в значительной мере на обычаи и традиции. У японцев сила общественного мнения работает как мощный социальный инструмент, солидаризирующий изнутри все уровни отношений.

Любой социальный порядок должен выглядеть и работать как самоналаживающаяся система, «здоровье» которой, ее подвижность и упругость, жизнеспособность и прогрессивность зависят от усвоения каждым моральных и правовых норм. Нормы, особенно правовые, создают внешний, «видимый» порядок, а ценности, от которых эти нормы производны, — «невидимый», внутренний. «Видимые» части порядка, то есть определенные организационные структуры и учреждения, могут изменяться и корректироваться всегда, и именно в этом

часто и видят смысл реформ и революций. Однако, «видимый» порядок — это лишь форма. Сущностью же любого социального порядка остается содержание духовной культуры людей, которая и составляет гуманистическое измерение прогресса. («Все прогрессы реакционны, если рушится человек» — вспомним вывод поэта Андрея Вознесенского.) Усечение японским сообществом индивидуальной свободы отдельных своих граждан служит великому делу обеспечения социального порядка. Причем главной характеристикой этого порядка является его внутренняя, духовная составляющая, а не внешняя форма, не «чистый» закон, не сам по себе правопорядок. Коллективное благо всегда весомее индивидуального, когда от него выигрывают все в целом, в том числе и каждый в отдельности, хотя осознание «выигрыша», как правило, запаздывает.

Только тот социальный порядок обеспечивает социальный прогресс (не отдельный экономический, политический, научный, информационно-технический или любой другой), который заботится прежде всего об устроении системы «впитывания» общечеловеческих ценностей. Нам еще «учиться и учиться» делу создания (или восстановления?) своей системы усвоения мировых и утраченных национальных ценностей. Ценность чужой жизни, неприкосновенность чужого имущества, равенство всех перед законом, почитание предков, супружеская верность, забота о ближнем и другие кристаллы добра мировой культуры должны впитываться через моральные примеры, просвещение, образование («порядок в головах, а не в клозетах», — говаривал профессор Преображенский из «Собачьего сердца» М.Булгакова), через социально-гуманитарную помощь нуждающимся, через благоприятствование честному бизнесу и т.д. Социальный порядок должен расчищать дорогу добру, а не быть простым препятствием злу во всех его проявлениях. Иначе так и не будет видна «радуга в невозмутимом покое».

Невидимость как символ сущности

«Философский сад», «Сад камней», «Сад Реандзи»... Десятками различных имен называют главную достопримечательность города Киото — древней столицы Японии. Это своеобразно спланированный беспорядок из пятнадцати черных необработанных камней, разбросанных по белому песку. С какой бы точки ни рассматривал посетитель сада эту композицию, он видит только четырнадцать камней, пятнадцатый камень всегда оказывается вне поля его зрения. С каждым ша-

гом по деревянной галерее сада гениально созданный мудрым монахом Соами хаос предстает в иной композиции: открывается камень, что прятался, но исчезает другой. . .

«Сад камней», скорее всего, — наглядная модель, метафора или символ познания: всегда остается что-то неизвестное, неучтенное, неохваченное. . . Мир создается людьми, и в любые времена его истинные ценности содержатся в человеческих душах. К ним-то и нужно прокладывать путь собственного восхождения. И на этом пути каждый непременно найдет истинные кристаллы мудрости, свои четырнадцать философских камней. А, может, и больше. . .

1 Литература

- [1] Абэ К. Избранное. Пер. с яп. В. Гривнина. — М.: Правда, 1988.
- [2] Горбовский А.А. В круге вечного возвращения? Три гипотезы. — М.: Знание, 1989.
- [3] Дунаев В.И. Японцы в Японии. — М.: Молодая гвардия, 1977.
- [4] Ніколенко О.М., Філіна І.О. Філософія життя у китайській та японській літературах. — Харків: Ранок, 2003.
- [5] Цветов В.Я. Пятнадцатый камень сада Реандзи. — М.: Политиздат, 1986.

Надійшла до редакції 24 лютого 2010 р.